

Уильям Джеймс

Моральный эквивалент войны*

В статье о «моральном эквиваленте» войны, опубликованной летом 1910 г. в McClure's Magazine, У. Джеймс дает развернутое изложение своей антимилитаристской «социалистической утопии». Пацифисты, убежден американский философ, не добьются успеха до тех пор, пока не предложат взамен института войны чего-то «функционально подобного ей», не придумают механизма, который позволил бы в условиях мира сохранять и поддерживать «отдельные элементы воинской дисциплины». В качестве такого эквивалента Джеймс предлагает альтернативную гражданскую службу для молодежи, своего рода трудовую повинность, которая включала бы различные виды коллективных работ: строительство автомобильных дорог и небоскребов, прокладку туннелей, заготовку леса, работу в шахтах и рудниках. Дисциплина и аскетизм, надеется Джеймс, станут для «юных миссионеров» привычным делом, а труд и лишения «выбьют из них ребячество и вернут в общество с более здоровыми интересами и трезвыми взглядами».

Ключевые слова: война, пацифизм, милитаризм, утопия, дисциплина, труд, экономика мира, патриотизм, социализм

Война против войны не обещает быть легкой прогулкой. Милитаристские настроения слишком распространены и сильны, слишком *свойственны* нам, чтобы с легкостью уступить место иным идеалам и устремлениям; переживания, связанные с успехами и неудачами в политике или коммерции, едва ли сравнятся по силе с чувствами, пробуждаемыми военными испытаниями, триумфами и поражениями.

* James W. The Moral Equivalent of War // McClure's Magazine. 1910. No. 35. P. 463–468.

ями, идет ли речь об отдельных личностях или целых народах. Отношение современного человека к войне, притом, в высшей степени противоречиво. Если бы сегодня американцам предложили вычеркнуть из истории их государства страницы, повествующие о войне Севера с Югом (со всем ее блеском и потрясениями), заменив их рассказом о мирном развитии или реформах, приведших к нынешнему состоянию, – думаю, никто или почти никто, за исключением пары-тройки эксцентриков, не согласился бы на такую подмену. Память о Гражданской войне, ее героях и славных подвигах священна для каждого американца; это – общее достояние нации, которое стоит всех понесенных жертв. Но спросите теперь любого из наших соотечественников, мужчину или женщину, хотят ли они повторения той войны, чтобы история подарила им новые поводы для национальной гордости. Всякий здравомыслящий человек скажет «нет». Такая идеальная цель не может, убеждены мы сегодня, служить оправданием военной кампании, сколь бы волнующе привлекательной последняя ни казалась. Мы готовы мириться с войной, только если ее нельзя избежать, – с войной, навязываемой агрессором.

Иначе обстояло в давние времена. Древние люди были охотниками и воинами. Они совершали набеги на соседние племена, разоряли их поселения, истребляли мужчин, насиловали женщин. Эти действия, составлявшие важную часть их образа жизни, ценились нашими предками, так как приносили и наибольшую пользу, и наивысшее удовольствие. В межплеменной борьбе за существование выживали сильнейшие – самые воинственные сообщества; боевой дух и стремление к славе прочно сплелись с инстинктом самосохранения и страстью к наживе.

Современные войны дорогостоящи – настолько, что мы предпочитаем торговлю как средство обогащения. Однако мы унаследовали от предков их атавистическую воинственность и любовь к славе. Демонстрация иррациональности и ужасов войны не дает эффекта. Ужасы порождают упоение. Война, говорим мы, – жребий лучших, сильнейших; это жизнь *in extremis*. На оплату военных расходов ни одна уважающая себя страна не скупилась, и люди, насколько можно судить, всегда принимали это как должное.

История человечества – воистину кровавая баня. Вспомним «Илиаду» Гомера, милитаристскую сагу, повествующую о том, как убивали друг друга воины – Диомед и Аякс, Гектор и Сарпедон.

Главы этой книги, служившей грекам учебником жизни, полны описаний героических зверств. Военизация общества, ультрапатриотизм и империализм, готовность вести войну ради войны – вот что мы наблюдаем в античной Греции. Сколько страшного и абсурдного открывается нашему взору, обращенному в глубь веков! Нам говорят: «так делается история». Да, и мы знаем ее трагическую развязку: полное крушение цивилизации, в духовном отношении, наверное, величайшей из когда-либо существовавших.

То были разбойничьи войны: сражались за золото, женщин, почести и рабов. Один из ярчайших примеров – история покорения афинянами Мелоса (острова, где была найдена скульптура Венеры). Во время Пелопоннесской войны жители Мелоса пытались сохранить нейтралитет. Афины направили на остров посольство, дабы убедить их сдаться без сопротивления. Рассказ Фукидида об этом эпизоде войны, замечательный по форме и красоте аргументов диалог-состязание афинян с мелосцами, не оставит равнодушным ни одного ценителя изящной словесности, даже такого взыскательного, как Мэтью Арнольд. «Сильные берут то, что могут, слабые подчиняются», – рассуждают афинские эмиссары. Сопротивление бесполезно, тщетны упования на богов. «О богах мы предполагаем, о людях же из опыта знаем, что они по природной необходимости властвуют там, где имеют для этого силу. Этот закон не нами установлен, и не мы первыми его применили. Мы лишь его унаследовали и сохраним на все времена. Мы уверены, что и вы (как и весь род людской), будь вы столь же сильны, как мы, несомненно, стали бы так же действовать. Вот почему мы надеемся, что благость богов не оставит и нас». Гордые мелосцы отказались покориться врагу и жестоко поплатились за это. «Афиняне, – бесстрастно сообщает Фукидид, – перебили всех взрослых мужчин и обратили в рабство женщин и детей. Затем они колонизовали остров, отправив туда 500 поселенцев».

Царствование Александра Македонского – сплошь череда преступлений и авантур, бесчисленных злоупотреблений властью правителем, худшие из деяний которого склонны романтизировать те, кого пленяет образ героя-завоевателя. Деяния эти едва поддаются разумному объяснению. Стоило Александру покинуть мир, его генералы и приближенные немедленно передрались друг с другом. Жестокость того времени не может не поражать. После

падения Греции царство Эпира было отдано на разграбление воинам Эмилия Павла – по решению Сената, «в вознаграждение» за их труд. Семьдесят городов подверглось разбою, 150 тысяч жителей продано в рабство. Точное число убитых неизвестно; из 550 сенаторов Этолии, во всяком случае, не удалось спастись ни одному. Брут, «благороднейший из римлян», накануне сражения при Филиппах воодушевлял свое войско тем же способом, обещая не препятствовать разорению двух городов, одним из которых была Спарта, а другим Салоники.

Вот основа, на которой зиждется – издавна – целостность человеческих обществ. Наша brutальность наследственна; ей обязаны мы наиболее героическими из свершений представителей нашего рода. История, как известно, пишется победителями. Быть может, когда-то существовали сообщества, культивировавшие иной образ жизни, однако в летописи времен они не оставили следа. Драчливость вошла в нашу плоть и кровь, и никакому прогрессу или долговому миру не выбить ее из нас. Рассказы о войнах, которыми потчуют народные массы, захватывают умы, пленяют сердца, будоражат воображение. Общественному мнению, настроенному в достаточной мере воинственно, ни одному правителю пока что не удавалось сопротивляться. Война Великобритании против бургских республик начиналась с дипломатических игр, однако милитаристское напряжение с обеих сторон было столь велико, что правительствам пришлось объявлять мобилизацию. «ВОЙНА» – возвещали аршинными буквами наши газеты в течение нескольких полных тревог и волнений месяцев 1898 года. И вот президент Мак-Кинли, слабовольный политик-конформист, как и следовало ожидать, подчиняется «требованию общественности», – наша грязная война с Испанией становится реальностью.

Нынешние воззрения цивилизованного человека странным образом запутаны. Военные инстинкты и идеалы сильны, как прежде, однако жива и критическая рефлексия, которая отчаянно сдерживает их первобытную мощь. Многие современные авторы раскрывают в своих произведениях животную сущность войны. Алчность и властолюбие – грабеж и господство – более не считаются морально оправданными мотивами; теперь отыскиваются предлоги, чтобы приписать их врагам. США и Британия, внушают нам государственные мужи и генералы, не чета Японии или Герма-

нии; мы вооружаемся исключительно ради мира, в интересах его поддержания и защиты. Слово «мир» в генеральских устах означает «готовность к войне». Это слово, увы, так часто использовалось военными провокаторами, что всякому честному правительству, искренне ратующему за мир, стоило бы изъять его из повседневного оборота. В современных толковых словарях следовало бы прописать, что «мир» и «война» означают одно и то же: *in posse*, когда говорят о мире, *in actu*, когда говорят о войне. С полным основанием можно утверждать, что *настоящей* войной в наши дни является непрерывная, целенаправленная *подготовка* к войне, осуществляемая соперничающими государствами, военные же сражения – не более чем демонстрации ратного духа и мастерства, приобретенных в «мирное» время.

Всюду мы находим подтверждения того двойственного отношения к войне, о котором я говорил. В глазах современного человека национальные интересы любой из враждующих ныне европейских держав не оправдывают тех жертв, которые с неизбежностью повлекла бы война, случись она в обозримом будущем. Современному человеку хотелось бы думать, что всякий конфликт интересов может быть разрешен мирным способом. Скажу прямо: наша святая обязанность, несмотря ни на что, верить в такую возможность, добиваясь, чтобы в международных делах торжествовали благоразумная сдержанность и здравый смысл. Но мы видим, как бесконечно трудно в нынешних условиях достичь взаимного понимания, растопить лед недоверия между партиями войны и мира, и причина этого, я полагаю, кроется в известной ущербности философии пацифизма, справедливо подмеченной критиками этого движения и настроившей против него людей с «воинским» темпераментом. В споре двух партий голые домыслы и эмоции берут верх над рациональной аргументацией. Против одной утопии, основанной на фантастических предположениях, выдвигается другая, не менее абстрактная и беспочвенная. Стараясь быть, насколько возможно, осторожным в суждениях, я попытаюсь выделить некоторые характерные особенности обоих подходов и предложить свой «утопический» вариант их примирения.

Хотя я и пацифист, я не стану здесь говорить о жестокостях военных режимов (тема, раскрытая многими литераторами), а коснусь лишь того, что можно назвать высшим проявлением милита-

ристского духа. Справедливо считается, что патриотические чувства заслуживают уважения; бесспорно и то, что ратные подвиги и победы позволяют потомкам смотреть на деяния предков через романтические очки. Однако признаем: за всяким патриотизмом стоит гипертрофированная национальная гордость, за военной романтикой – презрение к жизни и смерти. Милитаристски настроенные романтики и патриоты, так же как профессиональные военные (в особенности последние), не допускают мысли, что война, как социальное установление, может быть преходящим явлением. Идиллия вечного мира кажется им отвратительной, унижающей человеческое достоинство. Жизнь без войны потеряла бы остроту, лишилась бы драматизма, уверяют они: если бы войны не существовало, ее следовало бы изобрести – как средство против скуки, душевного измельчания и вырождения.

Сегодняшние апологеты войны рассматривают ее под религиозным углом зрения. Для них война – нечто таинственное, священное. Не имеет значения, кто жертва, а кто агрессор, на чьей стороне боевой успех, а кто терпит поражение. Война делает нас свободными, позволяет раскрыться нашей природе во всей ее силе и сокрушающей мощи; она – абсолютное благо для всех, твердят служители культа Ареса. «Ужасы» военного времени – приемлемая цена, которую мы вынуждены платить за бегство из затхлого мира конторских делопроизводителей, клерков и гувернеров, мира благотворительных фондов и потребительских обществ, смешанных школ и кружков любителей домашних животных, алчных магнатов и разнузданных феминистов. Жизнь без риска, отваги, самопожертвования, жалкое прозябание в благоустроенном социальном ягнятнике... Что может быть хуже, презреннее такого существования?

В основе своей это чувство, должно быть, знакомо каждому умственно полноценному человеку. Высокие идеалы мужества, доблести, героизма во все времена придавали человеческой жизни исключительный смысл, они же всегда находили подпитку в милитаризме. История человечества была бы нестерпимо скучна и пресна, не будь смельчаков, готовых идти на риск ради славы или идеи. И ныне, как в прежние времена, мы ценим добродетели воина – те самые добродетели, которые, по общему мнению, заслуживают, чтобы их культивировали. Носители воинских качеств, хоте-

лось бы верить нам, не изведутся в человеческих обществах, даже если нужда в них исчезнет (доблесть сама по себе прекрасна!), не сгинут, теснимые ордами малодушных, пугливых, изнеженных.

Думаю, литераторы, пишущие о войне в восторженном тоне, испытывают чувства, подобные этому. Я не знаю ни одного такого автора, кто избежал бы соблазна мистифицировать свой предмет. Война представляется им чем-то фатальным, неустранимым – биологической или социальной необходимостью, не подлежащей рациональной оценке или контролю. Войны случаются с неотвратимостью рока, с регулярностью, не требующей ни объяснений, ни оправданий, – все объяснения бывают надуманными или поверхностными. Словом, воевать – наш извечный удел. Гомер Ли в своей книге «Смелость незнающих» (*The Valor of Ignorance*) прямо говорит об этом. Воинственность для него – признак сильного государства, способность вести войну – показатель здоровья нации.

Народы и страны, рассуждает генерал Ли, находятся в постоянном движении, изменении: жизнеспособные государства растут, зависимые и слабые – увядают. Япония, по мнению автора книги, представляет собой такое растущее государство. Закон исторического развития с железной необходимостью вынуждает японских правителей действовать так, что все их усилия, в конечном счете, оказываются направленными на реализацию одного грандиозного захватнического плана. Начало этой политике было положено китайской военной кампанией 1894–1895 гг., затем последовала война с Россией и заключение англо-японского союзного договора, конечной же целью является оккупация Филиппин, Гавайев, Аляски и всего американского побережья к западу от Невады. Заветная мечта японцев, наконец, сбудется – они овладеют Тихим океаном. Мы же, американцы, с присущим нам эгоизмом, чудовищным самомнением, замешенным на невежестве, торгашеским духом, коррупцией и феминизмом, никак не сможем этому воспрепятствовать, сокрушается автор. Сравнив показатели боеспособности армий двух государств, он приходит к неутешительному выводу: наши островные владения, штаты Аляска, Южная Калифорния и Орегон падут без сопротивления в первые же дни войны, Сан-Франциско капитулирует после двухнедельной осады; по прошествии трех-четырёх месяцев все будет кончено для беспечной Америки, которая окажется неспособна себя защитить. Наша ре-

спублика, предсказывает Ли, распадется на части, и миллионам горемычных американцев не останется ничего другого, как посыпать голову пеплом и ждать нового Цезаря, который объединит страну.

Право слово, безрадостный прогноз! И далеко, увы, не невероятный, если только генерал Ли не сгущает краски и верно передает настроения японских стратегов, мнящих себя вершителями судеб мира. Кажется, сама природа распорядилась, чтобы на свет то в одной, то в другой стране появлялись герои, подобные Цезарю, царю Александру или Наполеону, – и почему бы этому не случиться теперь в Японии? Тогда все, что описывает наш автор, может оказаться реальностью. Незнание японской культуры и психологии (*mentality*) со всеми ее темными сторонами – единственная причина того, что мы не примечаем эту опасность.

Среди пишущих о войне встречаются и теоретики, «моралисты». Хороший пример – Р. Штейнметц с его «*Philosophie des Kriegen*». Война, согласно этому автору, является божественным испытанием, неким чистилищем, через которое должно пройти государство, желающее доказать свою состоятельность. В войнах нации меряются коллективными силами, отстаивая свое право на существование; побеждает всегда сильнейший, достойнейший, лучший, – худший терпит всегда заслуженное поражение. Гражданская солидарность, патриотизм, готовность к самопожертвованию, сила духа, изобретательность ума, образованность, экономическая мощь, нравственное и физическое здоровье нации – все имеет значение в этой борьбе государств и народов, борьбе не на жизнь, а на смерть, которая не знает никаких исключений или случайностей. Война есть *мировой суд* (*Weltgericht*), резюмирует Штейнметц, – форма осуществления «исторической справедливости».

Воля, мужество, ум, все превосходные качества и добродетели, которые превозносит Штейнметц, важны и в мирное время для успеха в любом предприятии, связанном с конкурентным соперничеством, однако в военное время их значение стократ возрастает. Ни одно испытание коллектива на прочность, по мнению автора, не сравнится с тем, что выпадает на долю воюющей страны. Молот войны сплавляет людей, делает государство сильным, а через это создаются условия для развития индивида – свободной и полной реализации возможностей, заложенных в человеке природой. Альтернативой этому развитию является «дегенерация».

Доктор Штейнметц – добросовестный исследователь, его небольшая по объему, но весьма содержательная работа о войне охватывает самые разные аспекты, а выводы созвучны тому, что С. Паттен писал об «экономике страдания»: боль, тревога, страх – привычные состояния человека, и переход к «экономике наслаждения» с ее соблазнами и удобствами может оказаться фатальным для существа, не приспособленного к такому расслабленному образу жизни. Перспектива отмены уклада, основанного на страхе (**fear régime**), **внушает современному человеку, каким представляют его Паттен и Штейнметц, – человеку, привыкшему сражаться с судьбой, – ничуть не меньший страх, чем бедствия прежних времен, только страшится он уже не врагов, посягающих на его жизнь, а себя самого.**

Страх, о котором я говорю, эту новую его разновидность питает двойное (во-первых, эстетическое, во-вторых, морально-психологическое) неприятие «утопии мира»: с одной стороны, нежелание расставаться с военной романтикой, с поэзией ратной жизни, ностальгия по золотым временам, когда вопросы национальной чести, славы или позора государств решались на поле брани, когда история человечества вихрем неслась от эпохи к эпохе, а не вяло раскручивалась по «эволюционной» спирали; с другой стороны – горькое сожаление при мысли о том, что сцена войны, грандиозная и прекрасная, когда-нибудь опустеет, милитаристские ценности обесценятся, а добродетели воина останутся навсегда невостребованными. Эти чувства, как мне представляется, заслуживают внимания и уважения не меньше, чем любые другие эстетические или этические потребности. Их непросто вытравить из нашего сердца, – во всяком случае, рассуждениями о дороговизне войны, о человеческих жертвах, страданиях, жестокости тут не поможешь. Ужасы не пугают, а возбуждают; когда же встает вопрос о предельных возможностях (extremes) человека, о проявлениях «лучшего», «высшего» в нас, разговор о цене кажется неуместным. Антимилитаристская критика носит в значительной степени негативный характер, в этом ее очевидная слабость; не удивительно, что доводы пацифистов звучат неубедительно. Конечно, возражают их оппоненты, не бывает войн без потерь, без страданий и жертв, но это – только половина правды. *Вся правда заключается в том, что война стоит жертв; мобили-*

зация – лучшее средство против человеческой лени, слабости и малодушия, спасительное лекарство от хворей экономики мира (peace-economy).

Пацифистам следует глубже вникнуть в эстетическую и этическую основу воззрений милитаристов. «Первым делом в любом споре старайтесь лучше понять оппонента, – советует Дж. Чэпмен. – Взгляните на мир его глазами, а затем, в какой-то момент, смените ракурс, и собеседник сам не заметит, как попадет в ваши сети». Пока антимилитаристы не предложат взамен института войны чего-то функционально подобного ей, не найдут *морального эквивалента войны* – такого ее аналога, который я бы сравнил, воспользовавшись примером из физики, с механическим эквивалентом теплоты, – до тех пор они не добьются успеха. Санкции против нарушителей мира, штрафы и наказания, на которые они возлагают надежды в своем утопическом прожектерстве, слишком ничтожны и плоски, чтобы затронуть человека с милитаристским мышлением. Толстой с его пацифизмом и равнодушием к мирским «ценностям» – скорее исключение из правила. Страх перед Богом в качестве сдерживающего морального фактора представлялся ему более действенным, нежели страх перед человеком, врагом. Но нынешние миротворцы-социалисты не признают никаких ценностей, кроме мирских, не знают врагов, кроме голода; они трепещут только при мысли о нищете, которая, как самая страшная Божья кара, обрушивается на тех, кто не трудится. Это ущербное мнение разделяется всеми без исключения авторами социалистической ориентации, с работами которых я знаком. Даже Л. Дикинсон в «Справедливости и свободе» (1909) настаивает на том, что отвращение современного человека к труду, в особенности тяжелому и малопrestижному, нельзя побороть иначе, чем значительным сокращением рабочего времени и повышением заработной платы. Подавляющее большинство людей на планете все еще живет в крайне неблагоприятных экономических условиях (те из нас, кто пользуется плодами «экономики наслаждения», составляют абсолютное меньшинство, образующее островок благополучия в беспокойном, полном рисков мировом океане), однако сентиментальные рассуждения утопистов, радеющих о всеобщем мире и благоденствии, воспринимаются с отвращением индивидами, привыкшими жить, так сказать, во всю силу. Они усматривают в этом желание увековечить человеческое ничтожество.

Презрение к слабодушию, всем нам, увы, свойственному, издавна отличало людей с воинским темпераментом. «Канальи, – кричал Фридрих Великий солдатам, бегущим с поля боя, – вы что, хотите жить вечно?» – «Да, – сказали бы наши социалисты, – и не просто жить, а в полном достатке». Общественные «низы» сегодня, как никогда прежде, тверды в нежелании жертвовать жизнью во имя каких-то государственных целей; «низы» морально бесчувственны и упрямы. Социалистам простой человек представляется слабым, зависимым, беззащитным, милитаристы же видят его грубость и неотесанность, однако надеются конвертировать эти его недостатки в достоинства, заставить их служить обществу, – тем самым, «облагородить». Мы возвышаемся в своих собственных глазах, когда знаем, что люди или коллективы, которым мы служим, нуждаются в нас. Если вы гордитесь сообществом, к которому принадлежите, ваша гордость собой возрастает в соответствующей пропорции. Ни в одном коллективе, однако, это не раскрывается с такой силой, как в армии. И тут мы вынуждены признать, что буржуазно-космополитическая идиллия, которую рисуют нам пацифисты, слишком бледна, чтобы пробудить в нас благородные чувства, – не считая, конечно, возможного чувства стыда при мысли о принадлежности к *такому* «сообществу». Неудивительно, что милитаристам, подобным генералу Ли, Соединенные Штаты Америки в их нынешнем виде представляются страной едва ли не обреченной. Где, спрашивают они, боевитость американцев, их природный задор и бесстрашие, презрение к жизни, своей и чужой? Где непрекословные «да» и «нет», верность долгу, присяге? Где всеобщая воинская повинность? Где налог на войну? Где все то, что заставляло с восторгом и радостью биться сердца патриотов?

Я попытался воспроизвести аргументы своих оппонентов настолько корректно и доброжелательно, насколько это возможно. Позвольте мне теперь, после столь пространной преамбулы, перейти к изложению своей собственной утопии. Я искренне верю в построение царства мира и в общественный прогресс, который приблизит нас к некоей социалистической уравнищенности (**some sort of socialistic equilibrium**). Для меня фатальный взгляд на войны не имеет смысла, поскольку я убежден, что война, как любое другое социальное явление, вызванное к жизни определенными причинами, может быть объектом критического

исследования и воздействия. Когда целые народы превращаются в армии, когда наука разрушения настолько усовершенствуется, что вступает в прямое соперничество с искусствами созидания, война из-за своей чудовищности становится абсурдной и невозможной. Амбиции сумасбродных стратегов должны уступить место политической рассудительности и коллективному поиску решений. Я не сомневаюсь, что правительства государств, действуя сообща, смогут добиться цели, к которой стремятся разумные люди всех цивилизованных наций и рас. Этой целью является отмена войны – признание ее вне закона.

Соображения, которые я здесь изложил, вынуждают меня примкнуть к партии антимилитаристов. Однако я не верю в возможность (и даже желательность) вечного мира на нашей планете, если завтрашние миролюбивые государства не сохранят, пусть в измененном виде, хотя бы некоторые из элементов старой воинской дисциплины. Экономика мира, устойчиво развивающаяся и эффективная, не может быть экономикой наслаждения. В более или менее социалистическом будущем, к которому движется человечество, людям все же придется считаться с известными требованиями и дисциплинарными ограничениями, обусловленными фактическим положением человека в этом не слишком гостеприимном для него мире. Мужественность должна иметь дополнительную подпитку и новые области приложения; добродетели воина-аскета должны и впредь культивироваться, а презрение к мягкотелости, благородная удаль, готовность служить бескорыстно и преданно – оставаться фундаментом, на котором зиждется государство (если, конечно, мы не хотим, чтобы психологическая реакция против такого умиротворения и благоденствия принимала опасные формы, а попытки враждебных сил нарушить баланс не получали отпора).

Милитаристы беспорно правы в том, что ратные добродетели, хотя и рождаются в хаосе войн, имеют для всех, включая «мирных» людей, абсолютную и постоянную ценность. Военный патриотизм представляет собой, в конечном счете, частное проявление более общего и глубинного патоса – страсти к соперничеству. Воинственность – одна из форм этой страсти, изначально преобладающая, но далеко не единственная; первая, но не последняя. Люди гордятся своей принадлежностью к сильной нации, способной обороняться и нападать, они согласны терпеть лише-

ния, рисковать состоянием и самой жизнью, лишь бы не оказаться в порабощении. Но что заставляет нас думать, что *никакие иные аспекты коллективной жизни* не могут со временем, при должном воздействии на людские умы, постепенно приобрести в глазах большинства то же исключительное значение, что военно-политические успехи и неудачи сегодня, начать пробуждать в нас столь же сильные чувства? Почему не предположить, что когда-нибудь люди готовы будут платить высокую цену за возможность принадлежать к сообществу, которое было бы лучшим, сильнейшим не только в военном, но *в любом* отношении? Почему бы им не желать *этого* и не сгорать, наоборот, от возмущения и стыда при мысли, что сообщество, к которому они принадлежат, может быть худшим, слабейшим не только в военном, но *в любом другом* отношении? Людей, испытывающих подобные чувства, с каждым днем становится все больше. Когда антимилитаристские настроения охватят широкие слои общества (думаю, это вопрос времени), твердыни старой гарнизонной морали рухнут, и на ее месте воздвигнется новая, более устойчивая система гражданской морали. Коллективные верования оказывают, как правило, решающее влияние на формирование частных убеждений и диспозиций; общее мнение держит сознание индивидов, словно в тисках. Идеология милитаризма до сих пор довела над нами, но эта зависимость не фатальна: иные солидарные интересы и мотивации, направленные на созидание, а не разрушение, способны руководить людьми, ограничивая проявления индивидуального произвола с не меньшим успехом, чем прежние поведенческие регулятивы.

Разрешите мне пояснить мою мысль. Жизнь, как мы знаем, полна испытаний, удел человека – страдать и трудиться. Простая констатация этого факта, разумеется, не должна никого смущать. Так уж устроен мир, и другого не будет. Однако рефлектирующий ум не может не оскорблять мысль о том, что на долю огромного количества людей, волею случая или «по праву» рождения, выпадают одни страдания, унижения и беспросветный изнуряюще-монотонный труд, в то время как другие, которые, по справедливости, вряд ли достойны лучшей доли, избавлены от необходимости каждодневно бороться за существование. К нашему стыду следует признаться в том, что для одних жизнь – непрерывная борьба, для других – праздное сибаритство. Если бы сегодня, и

в этом заключается моя главная мысль, взамен архаичного воинского призыва правительство объявило набор в регулярную армию мира, созданную для борьбы против *природы*, а не против человека, наше общество стало бы нравственно здоровее и определенно счастливее. Армейская дисциплина и аскетизм для молодых людей сделаются тогда чем-то привычным и естественным, никто не останется безразличен к суровым реалиям жизни, недоступным пониманию нынешних представителей высших классов. Каждый призванный на такую службу выберет для себя труд по душе, будь то работа в угольных шахтах или мытье посуды, строительство городских небоскребов или стирка белья, прокладка автомобильных дорог и туннелей или выходы в море на промысловых судах в зимнюю пору. Моральные и физические испытания закалят наших юных тружеников, выбьют из них ребячество и вернут в общество с более здоровыми интересами и трезвыми взглядами. Молодые люди исполнят свой гражданский долг и внесут посильную лепту в общее дело борьбы человека против природы. У них появится основание идти по жизни с гордо поднятой головой; женщины станут относиться к ним с большим уважением, а сами они будут лучшими отцами, мужьями и наставниками младшего поколения.

Невоинская гражданская служба, при поддержке общественности, позволит в условиях мира сохранить все лучшее из того, что ценится нашими записными милитаристами. Мы узнаем, какой может быть сила без насилия, власть – без принуждения и жестокости; мы увидим, что тяжелая физическая работа может выполняться легко и с улыбкой, ведь трудовая повинность (временная и разумно дозированная) не будет ложиться бременем на человека, отравляя всю его жизнь. Говоря об альтернативе милитаризму, я употребил выражение «моральный эквивалент войны». В наше время война, как и прежде, все еще остается единственной силой, способной дисциплинировать целое общество, и покуда не найден эквивалентный ей инструмент, война должна идти своей дорогой. Но я искренне убежден, что современное человечество достигло черты, когда такой моральный эквивалент может быть создан. То, что кажется нам сегодня абсолютной утопией, завтра станет реальностью, если только люди, обладающие ресурсом воздействия на общественное сознание, не упустят исторический шанс.

Воинский этос может пестоваться и без войны. Чувство долга, бескорыстие, альтруизм обретаются всюду. Мы явственно ощущаем это, когда представляем образ жизни врача или священнослужителя; нам было бы это еще понятнее, если бы мы относились к собственным профессиональным занятиям как к исполнению долга – служению государству или народу. Осознание того факта, что мы *принадлежим коллективу* (как солдаты принадлежат армии), наполняло бы нас счастьем и гордостью. Это состояние подчиненности, но не униженности, возвышало бы нас, а не оскорбляло, как возвышает, а не оскорбляет армейского офицера верность присяге и ратному долгу. Чего нам действительно недостает сегодня – так это механизма, который позволил бы закаляться нашему гражданскому темпераменту (*civic temper*), как в **прежние времена закалялся** темперамент военный (*military temper*).

«В определенном смысле, – пишет Г. Уэллс, – военное ремесло “гуманнее” многих гражданских профессий. Когда современный человек, переступая порог казармы, оставляет мир привычных житейских забот и дрызг, мир безжалостной конкуренции на рынке труда, коммерческих спекуляций, игры, навязчиво-лживой рекламы, он словно попадает в иное социальное измерение, в царство благородного аскетизма и солидарности, высокого рыцарского соперничества и дисциплины. Армия не такая организация, откуда людей, когда их нечем занять, вышвыривают на улицу, как это происходит с рабочими фабрик и клерками. Солдат обучают, кормят и поят не для поденной работы, а для достойнейшей, лучшей службы. И преуспевает здесь вовсе не тот, кто больше других заботится о себе, а тот, кто *отрекается* от себя». Армейская жизнь с ее простотой и высокими, облагораживающими порывами находится, по мнению Уэллса, в совершенной гармонии с потребностями души и тенденциями, которые заложены в человеке самой природой. Констатируя это, Уэллс выражает надежду, что понятия чести и долга, традиции жертвенного служения и преданности общему делу, идеалы воинской доблести и гражданской отваги останутся в силе и после того, как отгремят последние залпы салюта победы в войне против войн. Верю в это и я. Не хочется думать, что единственной силой, способной еще вдохновлять наших граждан (американцев или британцев) на коллективные действия, пробуждая здоровое национальное самолюбие, гордость за свою

страну и готовность отстаивать ее идеалы, является страх перед германским империализмом или японской агрессией. В этом пытаются убедить нас милитаристы, но они заблуждаются. Расстояние, которое цивилизованное человечество должно будет преодолеть, прежде чем обрисованная мною утопия мира претворится в действительность, значительно меньше той исторической и культурной дистанции, что отделяет профессионального офицера любой современной армии от описанных Г. Стэнли дикарей, с криками «Мясо белого человека!» преследовавших его экспедицию в джунглях Конго. Цивилизованные народы отказались от каннибализма; ничто не мешает им теперь отказаться от братоубийства, покончив с другим пережитком прошлого – институтом войны.

The Moral Equivalent of War

William James

In his essay on «moral equivalent» of war, published in McClure's Magazine (August 1910), William James puts forward his antimilitarist «socialistic utopia». World pacifists, James argues, should enter more deeply into the aesthetical and ethical point of view of their opponents. Until the peace party devises some substitute, some moral equivalent, for the disciplinary value of war, their utopian goal is neither desirable nor possible. A permanently successful peace-economy cannot be a simple pleasure-economy, James insists. The martial virtues, although originally gained by the race through war, are absolute and permanent human goods. Patriotic pride and ambition in their military form are specifications of a more universal and enduring competitive passion. They are its first form, but that is no reason for supposing them to be its last form. Arguing in this vein, James proposes that instead of military conscription there be «a conscription of the whole youthful population to form for a certain number of years a part of the army enlisted against nature». The military ideals of hardihood and discipline then would be wrought into the growing fiber of the people; no one would remain blind to man's real relations to the globe he lives on, and to the permanently solid and hard foundations of his higher life. To coal and iron mines, to freight trains, to road-building and tunnel-making, to foundries and stoke-holes, and to the frames of skyscrapers, would healthy young people be drafted off, according to their choice, to «get the childishness knocked out of them, and to come back into society with healthier sympathies and soberer ideas».

Keywords: war, pacifism, militarism, utopia, discipline, labor, peace-economy, patriotism, socialism

Перевод с английского И.Д. Джохадзе